

«Утверждаю»

И. о. проректора по научной работе

Санкт-Петербургского

государственного университета

Микушев Сергей Владимирович

» апреля 2019 г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию
Левочского Сергея Сергеевича «Концептуализация символа ночи в
философской культуре немецкого романтизма», представленной на
соискание ученой степени кандидата философских наук, специальность
– 09.00.13 – философская антропология, философия культуры**

Автор представленной диссертации рассматривает образ ночи как «точку входа» в смысловую картину романтизма, как концептуальный символ особого мировоззрения – представления о мире, человеке в этом мире, его самосознания. Образ и концепт ночи всегда привлекал особое внимание философской антропологии и философии культуры. Так, тема ночи была чрезвычайно актуально в русском символизме и философии, в европейской культуре накануне и после I-й Мировой войны. Как писал М.А.Лифшиц, есть эпохи, когда мыслителям, как существам, находящимся в глубинах моря, куда почти не проникает солнечный свет, нужны «огромные глаза» и развитие особого зрения, позволяющего собирать слабые рассеянные лучи света (Лифшиц М.А. *Varia*. М.: Грюндриссе, 2010, с.11-12.) К таким эпохам относится и культура второй половины XVIII века, к которой

относится романтизм, мировоззрению и мироощущению которого свойственны неустойчивость, пограничность, переходность.

В XX веке на новой волне критики рационализма сформировалось представление (Н.А. Бердяев, Р. Гвардини, У. Эко, П.А.Флоренский, Г.В. Флоровский, Вяч. Иванов, Г. Башляр, Ю.Н.Тынянов, В.В. Налимов и др.) о чередовании «больших стилей», наличии ритма доминант «сакральное – секулярное», «органическое – критическое», «архаическое – новаторское», когда рациональный и последовательный стиль иррациональным и замысловатым, о «дневных» и «ночных» эпохах в истории.

Такие характеристики сближают романтизм с современной культурой пост-, дабл-пост- и мета-модернизма. Это обстоятельство автор представленной диссертации удачно обыгрывает, перефразируя известное выражение У.Эко о том, что у каждой эпохи есть свой пост-модернизм: тогда у каждой эпохи есть и свой романтизм (с.5). Действительно, Современный интерес к переходности, акцент на лиминальности и остранении, кризис гуманитарности, темы трансгуманизма и постчеловечности не только сближают романтизм с современностью, но и делают анализ содержания такого ключевого романтического концепта, как образ ночи, весьма актуальным.

Текст работы структурирован в соответствии с решаемыми задачами. Основной текст состоит из 5 глав. В 1-й главе анализируются истоки романтической темы ночи, среди которых вычленяются: ночная символика мистики Средневековья и «стихия воображения», связываемая автором с «романтическим нигилизмом». Глава 2-я посвящена выявлению предпосылок возникновения романтической темы ночи во второй половине XVIII века. В качестве таких предпосылок автор видит критику мимесиса, культ гения, готический роман и творчество У.Блейка. Не лишним предстает экскурс о готическом романе с его таинственностью, наличием некоего тайного заговора темных сил (с.58-63). Дополнительной конкретизацией является раздел о творчестве У.Блейка (с.63-68) с его эстетизацией зла, как не

деградировавшего добра, а страсти, чувственности, силы, деструкции, которые могут быть прекрасны и возвышенны. И в этой связи развивается идея о возможном союзе Добра и Зла, Неба и Ада.

Анализ источников и предпосылок возникновения и развития романтической темы ночи позволяет автору перейти к собственно содержательной ее трактовке. Автор не претендует на полный охват тем из всего «бесконечного» (как он пишет) спектра смысла и трактовок образа ночи в романтизме. В диссертации таковых трактовок предложено четыре – в зависимости от доминирования определенного концепта: 1) стихия воображения, 2) смерть, 3) темная основа мира, 4) ночное сознание. Каждая из выделенных трактовок исследуется на конкретном материале. Формулировка первых двух трактовок (глава 3-я) реализуется преимущественно на интерпретации темы ночи в «Гимнах к Ночи» Новалиса и темы «царства Матерей» во второй части «Фауста» И.В. Гёте.

Содержание третьей трактовки в 4-й главе раскрывается на материале творчества Ф.Гёльдерлина, Д.Мильтона, Новалиса, Ф.Шиллера. Развивается философская концептуализация образа ночи как «темной» основы мира Другого бытия, которое, может быть истолковано в самых различных проекциях: как открытие альтернативы настоящему, как миры грез и как окутанные сумраком воспоминаний, как загробный мир, и как мир хаотической бездны. Это множество ассоциаций темных сил ночи автор обобщает и обосновывает с помощью Ф.Шеллинга как творящую силу бытия. естества».

Для раскрытия четвертой трактовки (глава 5-я, с.113-130) автор обращается к творчеству Э.Т.А. Гофмана, которому свойственны в «ночной тематике» двойничество, явленность раздвоения реальности, переходы из одного мира в другой. Эта глава завершает философское обобщение концепта образа ночи как определенного типа сознания, реализуя логику анализа – от мифа к онтологии и к типу сознания и персонологии.

В этих аналитиках автор опирается на глубоко проработанный впечатляющий круг (236 наименований) источников и комментариев к ним, связанных с осмыслением феномена романтизма, круга его основных идей, образов и концепций. В первую очередь, это работы Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й.Шеллинга, Ф.Шлегеля, Ф.Ницше, А.Шопенгауэра, М.Хайдеггера. В анализ вовлечены работы авторитетных отечественных и зарубежных специалистов по культуре романтизма – как классиков, так и современных авторов.

С.С.Левочский постарался выстроить концептуальный аппарат диссертации, уделив специальное внимание уточнению концептов символ, романтизм, тема ночи.

Обращает на себя внимание приведенный в работе анализ концепта «символ» (с опорой на идеи Г.В.Ф.Гегеля, Ф.Шеллинга, А.Ф.Лосева, Ю.М.Лотмана, К.А.Свасьяна), что позволило автору раскрыть особое мифологическое содержание символики ночи в романтизме, как не только формы обозначения некоего всеобщего, но и как формы познания этого всеобщего.

В результате проделанной работы соискателю удалось показать, что если романтической символике в целом свойственны иррациональность, пограничность, поэтическая образность, то образу ночи свойственна весьма конкретные специфические акценты. Образ ночи в романтизме, выражаемый в ярких поэтических метафорах, акцентирует внимание на творящей силе хаоса, пограничности и обновлении бытия, на особой роли личности автора, его воображении, бессознательной творческой интуиции, достижении непосредственного синкретичного слияния субъекта и объекта, Я и Абсолюта, смерти как слиянии с высшей духовность, мировой Душой.

В диссертации приведен довольно широкий обзор темы ночи в философской культуре помимо немецких романтиков в работах Г.Башляра, Г.Г.Шпета, других авторов (с.17-24).

Вызывает уважение и поддержку попытка соискателя истолковать в терминах интересующей его тематики сюжет «царства Матерей» из второй части «Фауста». Сам Мефистофель пасует перед Матерями и Фауст один отправляется за Еленой Прекрасной в это подземное хранилище идеальных типов. Похоже, однако, что в этом сюжете акцентируется не столько темная ночная тема Матерей, сколько роль и творческие возможности автора (И.В.Гете) и актора (Фауста).

В работе содержится немало тонких наблюдений, важных и заслуживающих развития. Так, перспективным выглядит приведенная в диссертации аналитика романтической критики подражания реальности (мимесиса) и культа гения (с.49-57). Это серьезный аргумент в пользу актуальности романтизма для осмысления роли в культуре XX – XXI столетий конструктивистских (интуиционистских) и персонологических установок – от творчества авангарда до новомодной медиакреативности. При этом фазы лиминальности (остранения), в случае их гипертрофии порождают аларм неопределенности, или даже хорроризацию, а значит – запрос на установление порядка новой реагрегации. В этом плане, романтизм и классицизм, действительно, предстают «длинными волнами» больших стилей в осмыслении реальности, сменяющих друг друга как ночь и день.

Интересно сопоставление трактовки воли как конструктивного начала гения у Новалиса и как темной силы у А.Шопенгауэра (с.72.).

Достигнутый уровень обобщения позволяет характеризовать романтический образ ночи как «сквозной» концепт для теоретического осмысления и социально-культурных практик, свойственный определенным эпохам. Так, автором показана роль социально-культурного контекста (в случае романтизма – буржуазной революции) в обращении к теме ночи как теме творящего хаоса и личностной свободы, «ночное время» в творческом вдохновении автора, связь темы ночи с психоаналитической проблематикой.

Автор демонстрирует широкую эрудицию, блестящее знание литературного материала, профессионализм в текстологическом анализе. Очень много внимания уделено в работе квалификациям, категоризациям, позволяющим отделять романтизм от других литературных течений, критериям отличия романтического произведения от произведений другого рода, видя одной из главных проблем работы в то, что «существуют конкретные примеры проявлений романтизма в «неромантической», по существу, литературе».

Подобные примеры ставят перед исследователем вопрос: каким образом как «наиболее корректно определить отношение указанного фрагмента к тексту в целом» (с.69-73). Не умаляя литературоведческое и текстологическое значение работы, возможно, имело смысл больше внимания уделять именно особенностям философской культуры романтизма.

Для квалификации собственно философской культуры романтизма недостаточно аргументов, что у Г.Ф.В.Гегеля в его Йенских лекциях и в его (в спорной по авторству) ранней работе «Первая программа системы немецкого идеализма» (1796) используется образ ночи, а у А.Шопенгауэра – образ безбрежной стихии океана (с.71). Автор приводит глубокие интерпретации гегелевского фрагмента А.Кожевом, Л.Альтюссером, важные, но уже с позиций философской культуры XX века.

Обращение диссертанта к литературному материалу абсолютно оправдано. Как отмечал Новалис, литература, особенно поэзия, как чувственное познание сверхчувственного поэтическими средствами представляя непредставимое, измышляя непостижимое для самого поэта, открывает философии истоки бытия. Философия давно освоила материал художественного творчества в качестве предмета анализа и осмысления. При этом очень важно соблюсти дисциплинарную предметность, не увлечься яркими образами и метафорами.

Автору данной диссертации это вполне удастся в постановке проблемы, ее концептуализации, обобщении полученных результатов. Тем не

менее, в процессе анализа автор не всегда соблюдает строгость философского анализа.

Так, остается не ясным, почему, переходя к «стихии воображения» как «романтическому нигилизму» (с.45), автор рассматривает в качестве конкретизации стихии воображения именно романтический нигилизм. Из текста становится ясно, что речь скорее идет не столько о нигилизме, сколько о критицизме и эскапизме. Автор далее следует Жан-Поллю, увязывающему тему ночи как безосновности, пустоты, «зияния» с произволом силы воображения, «взирания лишь на себя» и устрашением «своих лишь творений». Но и здесь вряд ли речь идет о нигилизме – скорее о гипертрофированном субъективизме. В этом плане более интересна приводимая в работе трактовка М.Хайдеггером ночи как «утраты ручательства богов», как символу беспочвенности, неуверенности, потерянности и молитвы. Но и это вряд ли можно квалифицировать как нигилизм.

В Заключение (с.130-134) автор обобщает смысловое содержание четырех рассмотренных в диссертации трактовок образа ночи. В этом обобщении трактовки объединяются по парам №1 и №2 (царство воображения и смерти); №3 и №4 (темное начало мира и ночное сознание), образуя в итоге две условные «группы», в каждой из которых есть два «полюса», стремящихся к смысловому тождеству. В результате автор приходит к выводу, что, таким образом, устанавливается тождество между стихией воображения и романтической смертью и тождество понятий «темного» начала мира и «ночного» сознания». Но это, сближение и даже «тождество», как представляется, не столько свойственно «литературе немецкого романтизма», сколько есть результат авторского условного, если не произвольного попарного сближения выделенных автором трактовок. Почему воображение относится к внешней стихии, в отличие от смерти как внутренней – в одном случае, тогда как в другом ночное сознание – к внутренней, а темное хаотичное начало мира – к внешней (объективной) –

остаётся на совести автора. Думается, что такой странный вывод – одно из следствий общего литературоцентризма исследования. С позиций философской аналитики напрашивалось скорее сближение трактовок 2-3 (смерть и темное начало – как проявление объективных, не зависящих от человека стихий) и 1-4 (воображение и ночное сознание как стихии сугубо субъективные).

Узвем для критики концептуальный аппарат, используемый в диссертации. Так, на с.10 диссертации автор указывает две цели исследования: «1) раскрыть структуру смыслов символа ночи в философской культуре немецкого романтизма; 2) показать возможность концептуализации символа ночи». В чем соискатель видит различие между этими целями? Чем «раскрытие структуры смыслов символа» отличается от «концептуализации символа»?

К сожалению, в работе не уточняется содержание базового для данного исследования понятия философской культуры. Широта мировоззренческого осмысления романтизма, выявление онтологического, антропологического и эпистемического содержания его идей только выиграло бы от ясного уточнения терминологии – что автор понимает под собственно философской культурой. Представляется, что это позволило бы избежать некоторых вышеуказанных замечаний.

Встречаются в работе и незначительные опечатки, рассогласования, написания фамилий упоминаемых авторов то с инициалами, то без них (например – на с.6, 28).

Высказанные замечания и соображения ни в коей мере не ставят под сомнение общую позитивную оценку представленной работы. Эти замечания, как представляется, обусловлены нетривиальностью тематики диссертационного исследования, выбором, в целом оправданных, нестандартных концептуализаций и решений.

Диссертационное исследование «Концептуализация символа ночи в философской культуре немецкого романтизма» представляет несомненный

теоретический интерес, является заметным вкладом в философскую антропологию и философию культуры.

Выводы, сделанные соискателем, достоверны и убедительны. Результаты исследования прошли апробацию в 4 публикациях в рецензируемых высокорейтинговых научных изданиях, рекомендованных ВАК («Вопросы философии» и «Человек»), в докладах на представительных конференциях, в пяти прочитанных автором курсах лекций по теме диссертации в отечественных и зарубежных образовательных центрах.

В целом, диссертация С.С.Левочского является самостоятельным, законченным исследованием, выполненным по теоретически значимой тематике. Автор продемонстрировал несомненный исследовательский профессионализм и компетентность в анализе широкого круга источников, систематизации полученных результатов.

Содержание автореферата и основных публикаций дают полное представление о проведенном исследовании и его результатах.

Материал и результаты исследования имеют несомненное теоретическое значение, и могут быть рекомендованы для использования в образовательных программах по философии культуры и философской антропологии, других гуманитарных профилей.

Все вышеизложенное дает полное основание сделать вывод, что диссертация С.С.Левочского «Концептуализация символа ночи в философской культуре немецкого романтизма» является законченным научным исследованием, полностью соответствующим требованиям пп.9-14 «Положения ВАК РФ о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., №842 (с уточнениями), а сам Сергей Сергеевич Левочский – заслуживает присуждение искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности – 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Отзыв подготовлен профессором кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, доктором философских наук (специальность 09.00.01 – онтология и теория познания) Тульчинским Григорием Львовичем.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Кафедры проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета. На заседании присутствовали 17 членов кафедры. Результаты голосования: «за» 17 - человек; «против» - 0 человек; «воздержались» - 0 человек. Протокол №2 от 10 апреля 2019 г.

Исполняющий обязанности
заведующего кафедрой
проблем междисциплинарного синтеза
в области социальных и гуманитарных наук
доцент, кандидат экономических наук

Данила Евгеньевич Расков

danila.raskov@gmail.com
st003440@spbu.ru
Моб.тел.: +7(921) 771-00-41

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮЩЕЕ

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА
КАДРОВ №4
М.С. ЗУБОВ

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Россия, 199034, г.Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7-9. Сайт: spbu.ru.

Кафедра проблем междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Россия, 190000, г.Санкт-Петербург, Галерная ул., д.58-60. Тел.: 8(812) 320-07-27. Эл.почта: spbu@spbu.ru.